

15) Kenneth G. Holum. *The Christianizing of Caesarea Palestinae // Die spätantike Stadt und ihre Christianisierung / hrsg. von Gunnar Brands und Hans-Georg Severin. Wiesbaden: Reichert, 2000. – P. 151-164.*

17) Avi Faust, William M Schniedewind, David Ilan, Kenneth G Holum, Ilan Sharon. *Biblical sites unearthed: ancient cities of the Holy Land. - Washington, D.C.: Biblical Archaeology Society, 2008.*

Примечания:

1. *Курбатов Г.Л.* История Византии (историография). - Л.: ЛГУ, 1975.
2. Kenneth Holum. [Эл.ресурс]. URL: <http://globalmaryland.umd.edu/content/kenneth-holum>. (Дата доступа 07.04.2015).
3. См. также: *Levine L.* Caesarea under Roman Rule. - Leiden: Brill, 1975.
4. *Holum, Kenneth G.* King Herod's dream: Caesarea on the sea. - New York: Norton, 1988. – 244 p.
5. *Holum Kenneth G., Raban, Avner.* Caesarea Maritima: a retrospective after two millennia. - Leiden [etc.]: Brill, 1996. – 694 p.
6. *Holum, Kenneth G., Lehmann, Clayton Miles.* The Greek and Latin inscriptions of Caesarea Maritima. - Boston, Mass.: American Schools of Oriental Research, 2000. – 292 p.
7. *Holum, Kenneth G., Stabler, Jennifer A., Reinhardt, Eduard G.* Caesarea reports and studies: excavations 1995-2007 within the old city and the ancient harbor. - Oxford: Archaeopress, 2008. - 269 p.
8. Kenneth G. Holum. [Эл.ресурс]. URL: <http://history.umd.edu/users/kholum>. (Дата доступа 07.04.2015).
9. *Holum, Kenneth G.* Theodosian Empresses. - Berkeley: University of California Press, Oct. 1989. – 325 p.
10. Kenneth G Holum. Theodosian Empresses. [Эл.ресурс]. URL: <http://www.amazon.com/Theodosian-Empresses-Antiquity-Transformation-Classical/dp/0520068017>. (Дата доступа 07.04.2015).

СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ АЛЕКСАНДРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

**М.А. Руднева
НИУ «БелГУ»**

В статье рассматриваются проблемы социальной иерархии позднеантичной Александрии Египетской. Обозначены особенности основных социальных слоёв населения и их трансформации в изучаемый период.

Ключевые слова: Александрия Египетская, поздняя античность, социальный слой.

SOCIAL HIERARCHY LATE ALEXANDRIA, EGYPT

M.A. Rudneva

Belgorod National State Research University

The article indicated by the problem of social hierarchy Late Antique Alexandria, Egypt. The especially basic social layers of the population are presented and their transformation during the study period.

Keywords: Alexandria, Egypt, Late Antiquity, social layer.

Александрия Египетская на протяжении поздней античности оставалась крупнейшим городом восточного Средиземноморья. Актуальным остаётся вопрос изучения структуры общества этого важнейшего культурного и экономического центра.

В последние годы, ученые при анализе общественных отношений в Римской империи, как правило, подходят к теме с использованием двух ши-

роких позиций. Более традиционная из этих точек зрения представляет древнеримское общество с жёсткой стратификацией, с различными уровнями социальных классов, которые отделены друг от друга по ряду показателей, таких как, происхождение, образование, политические права и материальное положение. Вторая модель не полностью сбрасывает со счетов эти факторы, но, учитывая их, подчеркивает взаимодействие между членами различных классов. Кроме того, эта интерпретация не рассматривает эксплуатацию низов высшими классами как лейтмотив общественных отношений. Напротив, «вертикальные» связи, образующиеся путем взаимообмена между патроном и клиентом, будь то император и сенатор, генерал и солдат и т.д., рассматриваются как взаимовыгодные и способствующие объединению общества.

При анализе социальной структуры александрийского общества, мы исходили из второй концепции. С точки зрения данного подхода общество Александрии Египетской рассматривали такие зарубежные учёные как: R. Vagnall, L.S.V. MacCoull, C. Haas и др.

Вторая концепция позволяет лучше рассмотреть формы объединения в александрийском обществе в течение этого периода, которые придавали каждой социальной группе общинный характер, таким образом, данная концепция лучше подходит для понимания этно-религиозно общественных групп Александрии. Данный подход позволяет рассмотреть некоторые аспекты александрийского общества, которые в противном случае могут быть упущены из поля зрения исследователей. При нормальном ходе событий структуры общин не пересекаются, но параллельно, они образуют аналогичные принципы в общей городской среде. Например, еврейские, языческие и христианские купцы имели различные взгляды по ключевым мировоззренческим вопросам, однако, они в ходе своей деятельности сталкивались с аналогичными проблемами, и занимали сходные позиции в социальной иерархии александрийского общества. Используя данный подход к стратификации, можно дать краткую характеристику социально-экономических слоёв и выяснить механизм их функционирования в сложной социальной организации Александрии.

В работе был произведён комплексный анализ письменных источников и научной литературы по теме исследования.

Основными письменными источниками данной работы являются: Кодекс Феодосия (438 г.); Афанасий Великий (ок. 298 – 373 гг.) «История ариан»; Сократ Схоластик (ок. 380 - 439 гг.) «Церковная история»; Палладий Еленопольский (ок. 360-420 гг.) «Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов»; Иоанн Эфесский (ок. 507 - ок. 586) «Церковная история»; Леонтий Неапольский (VII в.) «Житие Иоанна Милостивого»; Иоанн Никиусский (VII в.) «Хроника».

В поздней античности общество Александрии было в своей основе двухуровневым, с небольшим количеством богатого населения (*honestiores*) и

основной массой населения (*humiliores*)¹. Эта картина является типичной для многих регионов позднеантичной Римской империи².

Существует очень мало доказательств существования среднего класса в позднеантичной Александрии. При относительной оценке материального положения к среднему классу достаточно условно можно отнести купцов и средних землевладельцев, которые, возможно принадлежали к нижней части *honestiores* и наиболее обеспеченной части *humiliores*³. То есть, это все те, кто не были лишены средств к существованию. В другом определении - это участники городского производства и распределения, имеющие собственность, но не наёмные работники и прислуга⁴. По мнению исследователей, для городского населения Александрии, данный вопрос не обеспечен достаточным количеством источников, в отличие от хоры, где существует достаточно папирологических источников для изучения среднего класса⁴.

Это положение лишь частично компенсируется археологическим материалом из Кум-эль-Дикка, который даёт некое указание на социальную группу, имеющую подобие производственного объединения⁵.

Другим важным фактором, ограничивающим наши знания об александрийском среднем классе, является социальный уклон сохранившихся письменных источников, большинство из которых принадлежит авторам из аристократической среды⁶.

Тем не менее, снобизм высшего класса частично подтверждает социальные и экономические реалии дня. В то время как некоторые члены среднего класса Александрии, несомненно, процветали, они были гораздо ближе к бедным слоям общества, чем к аристократии города.

Несмотря на тонкие градации процветания и бедности среди низших слоёв общества, представители элиты Александрии в поздней античности находились на совершенно другом социальном уровне, чем большинство александрийцев. Ни одно из жилых зданий города поздней античности не может сравниться с виллами в пределах города и пригороде⁷.

Высшие слои александрийского общества чаще всего определяются в источниках, касающихся функционирования гражданских магистратур. Круг этой городской элиты может быть определён, если взять во внимание александрийцев, имеющих право участвовать в александрийском совете или буле. Поскольку структура участия в буле имеет тенденцию быть наследственной, возможно говорить о наследственном сословии булевтов. Непрерывность данной группы подтверждалась и имперским указом 436 года, закрепляя возможность пребывания на важных государственных должностях в течение длительного периода времени (С. Th. 12.1.191). Высшие члены буле, а также *honorati*, которые были освобождены от обязательных дорогостоящих гражданских пошлин. Также, высшие чины были освобождены от широко распространённой практики телесных наказаний (С. Th. 12.1.190).

Принадлежность к данному сословию является важным фактором в определении положения александрийской элиты. В тоже время, культурная или религиозная принадлежность не была определяющим фактором для

идентичности данной общности. Афанасий сообщает о том, что представители высшего класса Александрии в четвертом веке были идолопоклонниками и язычниками (Athan. Hist. Ar. 78 col. 788b). Тем не менее, есть свидетельства, что некоторые александрийцы этих высших классов действовали в качестве активных сторонников церкви. Некоторые из главных людей города участвовали в 311 году в захоронении епископа Петра. Также известно, что спустя немногим более ста лет, в период межобщинного насилия, один из местных судей сыграл роль в убийстве языческого философа Ипатии Александрийской (John of Nikiu. Chron. 84.100).

Представители этого социального слоя действовали в различных ситуациях руководствуясь скорее политической ситуацией и собственной выгодой, нежели религиозными побуждениями, что вызывает негодование Афанасия (Athan. Hist. Ar. 78 col. 788c).

Представители высшего класса достаточно успешно занимались различными видами деятельности. Некоторые члены аристократической элиты имели большой доход с имущества в Александрии. Другие булевты занимались финансовыми спекуляциями, связанными с римским налоговым администрированием в городе. В то время как традиционные идеалы собственно аристократической жизни исключают приобретение богатства посредством торговли и предпринимательства, александрийская элита во время поздней античности не пренебрегала этими видами деятельности. Папирусы из Верхнего Египта указывают на то, что александрийские булевты вели торговые отношения при посредничестве деловых агентов (P. Oxy. 16.1880; 40.2925; 2938). Однако, источники данного периода часто упоминают александрийцев, которые самостоятельно занимаются торговлей, или описываются как судовладельцы (naukleroi) (C. Th. 13.5.7).

В 334 году последние были освобождены от обязательных магистратур города и по этой причине они редко называются булевтами. В результате, трудно определить, могут ли эти судовладельцы рассматриваться, как представители булевтов, тем более что некоторые из судовладельцев не были богатыми (Leont. N. v Jo. Eleem. 26). Даже если некоторые судовладельцы, не обладая аристократическим происхождением, были в состоянии накопить огромные богатства, являясь, таким образом, своеобразными «нуворишами», их материальное положение делало их неотъемлемой частью высшего класса александрийского общества. Иоанн Эфесский пишет о том, что судовладельцы являются самым мощным слоем александрийского общества (Jo. Eph. HE 3.1.33).

Несмотря на склонности к предпринимательству некоторой части высшего слоя Александрии, в основном, экономическая активность этой части общества была связана с сельским хозяйством, владением землёй в хоре. Александрийская элита наиболее часто встречается в папирусах из Верхнего Египта, связанных с куплей-продажей земли, арендой недвижимости и т.д. Данные источники мало говорят о жизни александрийской элиты, так как посвящены в основном вопросам собственности на землю. Так же, стоит отме-

тить явный перевес в сохранности сторону договоров среди папирусов, найденных в этом регионе.

Тем не менее, можно сделать вывод о том, что землевладение было жизненно важной частью экономического благополучия александрийских булевтов. Материал папирусов указывает на довольно распространённую схему землепользования, которая сохраняется и в IV веке. Некоторые представители этого слоя населения владели домом или домами в Александрии, домом в номе мегаполиса, а также несколькими участками сельскохозяйственных земель. В течение II-III вв. александрийцы встречаются в качестве арендаторов земель и или собственников, сдающих землю в аренду для выращивания пшеницы ил винограда. В IV веке в документах, ссылающихся на собственность, часто встречаются бывшие александрийские советники и их потомки, унаследовавшие семейную собственность, что может свидетельствовать о тенденции оставлять Александрию и селиться на постоянной основе в хоре⁸.

Упоминания о собственниках представителей александрийского высшего класса становятся достаточно редкими начиная с V века и вплоть до арабского завоевания. Лишь в конце периода приводятся упоминания о их спорадическом расселении в городе. Тем не менее, в этих изменившихся условиях, нельзя говорить о возвращении в Александрию слоя булевтов и восстановлении функционирования их гражданской жизни, наиболее вероятно, что город служил базой для получения необходимых товаров и услуг⁹.

В разгар арианского кризиса Афанасий сообщает о том, что недостойные люди были рукоположены в сан епископа исключительно благодаря своему богатству и гражданскому влиянию (Athanas. Hist. Ar. 73 col. 781b). Также он упоминает, что представители булевтов искали назначения в качестве епископов на территории всего Египта с целью получить клерикальное освобождение от уплаты определенных налогов и обязательных общественных обязанностей (Athanas. Apol. ad Constant. 28 col. 632a). Несомненно, богатство и влияние этих александрийцев оказывало влияние на их сельских клиентов и в IV веке, однако, александрийские булевты практически исчезают из списков судей в хоре¹⁰. Таким образом можно говорить о том, что в течение IV века исполнение гражданских обязанностей не было уже столь выгодным и переориентировались на более выгодные церковные должности.

Более низких социальные слои общества не имели преимуществ высшего класса в позднеантичный период. Тем не менее, их совокупное политическое и экономическое значение обеспечивало необходимость лидеров различных фракций добиваться их поддержки в различных конфликтах на протяжении всей поздней античности. К сожалению, большая часть имеющейся информации об александрийском плебсе вышла из-под пера авторов, которые отражают предрассудки образованной аристократической элиты.

Некоторые особенности этого достаточно разнообразного слоя можно определить, обратив внимание на многочисленные коллегии города. Эти ассоциации чаще всего образовывались вокруг конкретного ремесла или куль-

та. Торговые и ремесленные объединения включали практически весь спектр работников, задействованных в местной экономике: моряков, текстильщиков, плотников, пекарей, ювелиров, сапожников, могильщиков, водовозов, разнообразных торговцев и т.д.

В городах позднеантичного Египта многими профессиями, как правило, занимались в семьях на протяжении нескольких поколений (Philo Flacc. 4), подобная картина применима и для общества Александрии, способствуя, тем самым, укреплению ассоциативных связей между членами коллегий¹¹.

Каждая александрийская коллегия имела собственную иерархию, в которой особое место занимали коллегиальный старейшина (archigerontes) и управитель (dioecetai) (С. Th. 13. 5. 32). Даже объединение проституток избирало своего лидера (Leont. N. v Jo. Eleem. 38). На другом конце социальной лестницы находились бедные участники ассоциаций.

Тем не менее, узы, объединяющие членов коллегий, могли быть сильными настолько, чтобы создать своеобразную форму социальной организации внутри городских этно-религиозных групп, так, например, в Большой синагоге иудеи сидели в соответствии с членством в различных ремесленных коллегиях. Александрийские коллегии признавались римскими властями в качестве самостоятельных объединений внутри городского общества и в связи с этим имели определённые права и обязанности. В течение IV-V вв. в источниках приводится гораздо больше сведений об обязанностях коллегий, например, известно требование, чтобы коллегии проводили очистительные работы для поддержания городских каналов на должном уровне (С. Th. 14.27.2). Эти ассоциации также отвечали за сбор части городского налога – хрисаргира (collatio lustralis)¹².

Кроме того, представителями коллегий можно было манипулировать в политических целях. На протяжении позднеантичного периода александрийский патриарх часто использовал поддержку своих сторонников среди капитанов и матросов зернового флота.

Существуют также признаки того, что коллегии поддерживали ту или иную противоборствующие стороны в александрийских конфликтах на протяжении поздней античности. Во время арианского конфликта 339 г. среди сторонников Афанасия на фоне недифференцированной языческой толпы особо выделяются торговцы (Athanas. Apol. contra Arianos 15 col. 273a), что может свидетельствовать о коллегиях, как эффективной форме организации городского населения.

Впоследствии рассмотрение коллегий становится более затруднительным, так как в источниках чаще встречается широкое недифференцированное определение - народ (ho Alexandreon demos), которое практически бесполезно в реконструкции общества Александрии в поздней античности. Некоторый интерес представляет тот факт, что александрийское гражданство было желательным показателем статуса даже после 212 г., когда император Септимий Бассиан Каракалла предоставил римское гражданство всему свободному населению империи. Император проводит различие в определении

истинных египтян и александрийских египтян, которые мигрировали в город. Позднее в том же веке александрийское гражданство было одним из необходимых показателей для получения зернового пособия в Оксирихе (P. Оху. 40.2901, 40.2915, 40.2927). Лица, которые идентифицировали себя в качестве александрийских граждан появляются и в папирусах IV века. Даже в V веке знаменитого подвижника Макария Александрийского отличали от его одноимённого современника эпитетом *politikos*- «принадлежащий городу» или даже «гражданин» (Hist. Laus. 20.2).

Единственным слоем, который более чем бегло упоминается в источниках, является слой городских бедняков. Представление об александрийской бедноте можно получить из описания александрийского патриарха Иоанна Милостивого (ум. ок. 616 – 620 гг.), которого цитирует неаполитанский епископ Леонтий (ок. 590 – 668 гг.). Патриарх сетует о том, «сколько же несчастных» людей страдает в данный момент, не имея средств к существованию (Leont. N. v Jo. Eleem. 21).

Определение доли населения Александрии, которые непосредственно могут быть отнесены к числу бедных невозможно, так как многие александрийцы жили вдоль границы бедности Тем не менее, число обездоленных лиц, получающих регулярные дотации от церкви в начале VII века составляло 7500 человек¹³.

Социальное положение этих бедных слоёв населения можно приблизительно определить исходя из термина, обозначающего их –*anexodos* (Athanas. Hist. Ar. 13 col. 708c, 60 col. 765b, 61 col. 768a; Leont. N. v Jo. Eleem. 7). Обычно его переводят как «нищий», бедственное положение этого слоя лучше отражают другие оттенки этого слова, такие как «непригодный для общества, асоциальный, не имеющий выхода, не в силах вырваться и т.д.¹⁴».

Для того, чтобы облегчить их участь римские власти и Церковь организовывали благотворительные предприятия, такие как раздача милостыни и зерна (Leont. N. v Jo. Eleem. 2), строительство богаделен и больниц в городе (Soc. HE. 2.17; Athanas. Hist Ar. 61 col. 768a; C. Th. 16.2.42-43). Вполне вероятно, что меры в этом направлении были предприняты задолго до официального создания благотворительных учреждений в IV веке. Нищие на протяжении долгого времени посещали агору Цезариума (Hist. Laus. 6.5-9, 21.2-14), что могло означать, что храм Божественного Августа был центром общественных и частных пожертвований беднякам.

Недалеко по социальному уровню от городской бедноты находились и рабы. В источниках, дошедших до наших дней осталось очень мало информации об этой части городского населения. Однако, сведения, имеющиеся в распоряжении исследователей, дают представление о том, что рабовладение в Александрии имело схожие черты с другими городами империи этого периода, такими как, наличие крупных рабовладельцев (Hist. Laus. 14.1) и многочисленными небольшими домохозяйствами в городе, имеющими небольшое количество рабов. Уровень существования рабов изменялся в зависимости от степени жестокости хозяев, которая, возможно смягчилась в период

поздней античности под напором проповеднической критики религиозных лидеров (Leont. N. v Jo. Eleem. 33).

Таким образом, из вышесказанного можно сделать выводы, что в социальной иерархии Александрии Египетской в поздней античности наряду с усилением тенденций к социальной дифференциации, возрастала роль объединений, в которых этно-религиозный фактор зачастую уступал место социальным и экономическим интересам.

Примечания:

1. *Haas C.* Alexandria in late antiquity: topography and social conflict. - Baltimore; London: Johns Hopkins univ. press, 1997. P. 51.
2. *Carcopino J.* Daily Life in Ancient Rome. - New Haven: Yale University Press. 1940. P. 52.
3. *Navarro F.J.* La formación de dos grupos antagónicos en Roma: Honestiores y Humiliores / Ediciones Universidad de Navarra. 1994. - P. 38.
4. *Bagnall R.* Egypt in Late Antiquity. - Princeton University Press, 1993. – P. 226.
5. *Haas C.* Alexandria in late antiquity. - P. 52.
6. *Bagnall R.* Egypt in Late Antiquity. - P. 227-229.
7. *Haas C.* Alexandria in late antiquity. - P. 52.
8. *Bowman A.K., Rathbone D.W.* Cities and Administration in Roman Egypt // Journal of Roman Studies. 82. 1992. - P. 107-127.
9. *Johnson A.C.* Egypt and the Roman Empire. - Ann Arbor, University of Michigan Press, 1951. P. 74.
10. *Haas C.* Alexandria in late antiquity. - P. 56.
11. *Van Minnen P.* Urban Craftsmen in Roman Egypt. / Münstersche Beiträge zur antiken Handelsgeschichte. 5.1. 1987. - P. 88-95.
12. *Bagnall R.* The Periodicity and Collection of the Chrysargyron. 1992. - P. 15-17.
13. *Haas C.* Alexandria in late antiquity. - P. 60.
14. *Ibid.* - P. 61.

**ИМПЕРСКАЯ ИСТОРИЯ В ИЗОБРАЖЕНИИ ИОАННА ЛИДА:
СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ КНИГ II И III
“DE MAGISTRATIBUS POPULI ROMANI”**

**М.М. Синица
НИУ «БелГУ»**

В статье рассматриваются проблемы, связанные с имперской историей древнеримского государства с точки зрения ранневизантийского писателя-бюрократа Иоанна Лида, выраженной в его произведении “De Magistratibus Populi Romani”. История Рима рассматривается как фон, на котором происходит развитие административных структур римского государства от начала эпохи принципата до современного автору времени. В центре внимания находится институт префектуры претория, исследованию возвышения и упадка которого посвящена бóльшая часть трактата. Хотя как историческое исследование работа невысокого качества, она является очень ценным и важным источником многообразной и специфичной информации.

Ключевые слова: Иоанн Лид, ранневизантийские историки, Римская империя, магистрат, префектура претория.

**IMPERIAL HISTORY IN PICTURE OF JOHN LYDUS: STRUCTURE AND CONTENT OF BOOKS II
AND III OF “DE MAGISTRATIBUS POPULI ROMANI”**

**M.M. Sinitca
Belgorod National State Research University**

The article consider problems, connected with imperial history of the Roman state from the point of view of early Byzantine writer and bureaucrat John Lydus. It demonstrated in his work “De Magistratibus Populi Romani”.